

И. Л. ПОДОЛЬСКИЙ

П О В Е Л И Т Е Л Ь Т Е Н И

Тень — темное отражение на
чем-либо, отбрасываемое предметом,
освещенным с противоположной сто-
роны.

Толковый словарь

На рассвете меня будят вороны, что живут над крышей кансарды в старых речных трубах. Они каркают тягуче и важно, как будто рассвет — их семейный праздник, и этим многозначительным карканьем они поздравляют друг друга с долгожданым событием.

К их торжественности невольно приобщаюсь и я и, открывши окно, смотрю как солнце вступает в город. Сначала оно окрашивает в свои цвета шпили, купола и самые высокие крыши. Потом, перескакивая с трубы на трубу, лучи отмечают знаками солнечных пятен все новые дома, словно их пересчитывая и проверяя, не пропало ли что-нибудь за ночь. И в какой-то момент, всегда неожиданный, красноватый горячий блеск заливает все края разом, и солнце, вполне овладев верхним ярусом города, начинает опускаться в сумеренче провалы улиц.

В это самое время мне пора выходить из дома — ровно в девять я должен сидеть на работе, разложив на столе бумаги, держать в руках авторучку. По пути об этом не думаю, стараюсь об этом не помнить.

Улицы еще прячут внизу сонные остатки тумана, а верхние этажи уже поглотило солнце, их окна бросают через дорогу светлые пятна, словно плавающие на стенах затемненных домов. Те же на освещенную сторону отбрасывают плотные тени — тени труб, тени крыш, балконов, решеток, балконов; они рисуются угловато на стенах, перекинувшись и ломаясь зигзагом на карнизах. Получается еще один город, город темных причудливых силуэтов, он вдоль улиц тянется квартал за кварталом, и порою мне кажется, что живет этот город теней своей собственной жизнью независимо от города каменного.

О возможной самостоятельности в поведении теней я не думал всерьез, пока не познакомился с Сашкой. В тот раз по пути на работу я рассматривал на угловом доме тени балконов. Они были резные, все в завитушках, и на верхнем из них тень девушка поливала тени цветов из кофейника. Вот тогда-то и подошел ко мне Сашка и, наверно, долго ждал, пока я взгляну на него.

Ему было лет тридцать. Бросались в глаза стилистые поляны, грива длинных темных волос и ботинки, совершенно ле-

живые формы и цвета. Он смотрел на меня спокойно и грустно, и мне показалось невероятным, что в одном человеке может быть так много грусти.

- Хочешь, скажу о чем ты думаешь? - спросил он голосом тихим и ровным, - не менее грустным, чем взгляды, и, обращаясь ко мне на ты несмотря на очевидную разницу в возрасте. Мне стало тоскливо и очень неловко, казалось, я вот-вот утону в этом безбрежном море грусти и никогда уже больше не смогу смеяться и радоваться.

- Ты думаешь, какой прекрасный пред тобой человек, и как тебе его хочется угостить кружкой пива! - На лице его появилась робкая улыбка, а грусть его начала утихать куда-то, и я почувствовал огромное облегчение и благодарность ему за это. Кажется, я даже вслух рассмеялся.

Когда мы закончили с пивом, он представился:

- Меня зовут Санкой.

А не точно понял его и, прощаясь, назвал Сашей.

- Не Саша, а Санка, - поправил он с мягкой непреклонностью.

Проводивши меня до самой службы, он объявил, что готов гулять со мной хоть каждое утро, что ему на работу к одиннадцати и что двух часов, с девяти до одиннадцати, ему будет как раз хватать для занятий "своими делами".

Как потом оказалось, он работал в магазине старой мебели, точнее, не в магазине, а около магазина. Его компаньон, вычурный небритый увалень, владел транспортным средством - двухколесной тележкой, а Санкин вклад в дело состоял в том, чтобы разговаривать и грустным его обаянием, привлекавшим клиентов.

Я встречал его часто, всегда случайно, но с неизменной регулярностью. Он грустно и приветливо улыбался, мы гуляли или пили пиво. Он разделял мое пристрастие к "тому городу", городу теней, но его интерес к теням был более циничным, с оттенком непонятого профессионализма, он словно изучал их, обращая пристальное внимание на детали.

Однажды он подвел меня к тумбе, оклеенной театральными афишами. На ней рисовалась пологим горбом тень садовой скамейки.

- Посмотри! - он показал на портрет какой-то болгарской поэтессы, обрамленной массивной тенью кольца; над ним возвышалась острая тень пики. Я невольно взглянул на решетку - и кольцо и пика была на месте.

- Забавно... - протянул я уклончиво.

В санкиных глазах отразилось некоторое недоумение. Он подошел к решетке и будто учитель, объясняющий у классной доске, востучал пальцем по завитку внутри кольца. Действительно, тень у этого завитка не была там, где полагалось быть, лоснилась на солнце синия типографская краска.

Эта малочь приятно меня поразила. Все мы знаем с детства, что тень обязана повторять свой источник до мельчайших подробностей, не допуская никаких отклонений, и от этого мир теней что-то терял. А сейчас случалось, хотя и маленькое, но все-таки чудо.

Видно, Ванка знал еще кое-что о подобных вещах; однако я его не расспрашивал, ожидая, пока он захочет сам что-нибудь рассказать.

Новод вскоре нашлся. Есть удивительное место возле Садовой - двор не двор, что-то вроде небольшого пустыря. Вокруг вырос лес высоких серых домов, обступив его сплошь, а внутри, как поляна, осталось свободное место. Вели туда две или три подворотни с канала, и было приятно и неожиданно, пройдя обычные городские ворота, оказаться не в узком воюльде-дворе, а почти на открытом месте, среди тополей, дымовато растущих кустов и скамеек, расставленных без всякой заметной системы. Под деревьями прижались два каменных маленьких сарая, построенных весьма основательно, а посредине этого странного места красовался земляной холм, на котором рос древний и кражистый тополь.

На скамейках с раннего времени грелись на солнце студенты, но всегда находилась где-нибудь пустая скамья, чтобы присесть на минуту и выкурить сигарету. Особенно хорошо здесь в июне, когда цветут тополя. Белый пух собирается в большие сугробы, и если сесть на скамейку и удержать хоть немного перенативаемого ветром пуха, то очень скоро можно оказаться по пояс внутри белого мягкого вихря, каждый клочок его трепещет и готов оторваться, лететь по ветру и плясать над землей.

Вот здесь-то веселым солнечным утром я и застал Саику за работой. Он тянул рулетку вдоль кирпичной стенки сарая, шагая словно в морской пене по колено в сугробах желтого пуха, и белые хлопья трепыхались на желтой ленте рулетки, и на полки санкиной шляпы, и в волосах, придавая его облику нечто карнавальное. Несколько старушек, в таком же карнавальном убранстве, обступили его полукругом и следили терпеливо и молча за каждым его движением.

Я пытался увидеть, что он там измеряет, и вскоре попал на стенку сарая падали тени двух рядом стоящих домов — а этот чудный человек в восемь утра мерил их тени, и даже не тени, а ширину дырки, просвета между тенями!

Скончив измерение, он записал что-то в блокноте. Одна из старушек осторожно сделала шаг внутрь полукруга и, уткнувшись своим клювиком в пуховый сугроб и прочно опершись на него, обратилась к Саике:

— Саика, милый, виселить-то нас осенью будете?

— Не будут вас виселить, не бойтесь, — попытался успокоить ее Саика, свертывая рулетку.

— А чего я бояться, ты только скажи когда? — она подалась вперед и смотрела на Саику настойчиво-просительным взглядом.

— Не бойся мы! Пуганнине мы, пуганнине! — оживилась внезапно другая старушка.

Саика беспомощно стал оглядываться и, заметив меня, поспешно направился в мою сторону. Старушки проводили его тусклыми покорными взглядами, покивали медленно головами и начали расплзаться по своим делам.

— Невежественные люди! — вздохнул Саика.

На следующее утро он появился с видом торжественным и деловитым, с пачкой каких-то картонок в руках.

— Если ты не спешить, я тебе кое-что покажу.

Разумеется, я не спешил. Он усадил меня на скамейку и разложил на ней лист газеты, тщательно расправив складки от сгибов. Затем взял одну из картонок с вырезом в виде ромба и приблизил ее к газете. На ней легла тень картонки с солнечным пятном посередине, по форме того же ромба. Но как только Саика поднял картонку повыше, ромб на тени рас-

... и превратился в правильный аккуратный овал.

Далее последовала еще серия опытов, все на картонках
... крест, помещенный в отверстие, превращался в тем-
... спираль исчезла вовсе, а три небольших надреза
... делали из него треугольник.

Игра мне вначале понравилась, но вскоре стала скучнова-
... .

- Это все пустяки, игрушки, - пояснил Сашка небрежно и,
... в сторону ворох картонок, оставил только одну из
... , видимо самую главную. Вырез в ней был большой, прямо-
... , с зубцами и надрезами по углам.

- Вырез занимает ровно половину длины! - объявил Сашка
... профессорским голосом. - Можешь проверить, - он
... на газету линейку с миллиметрами.

Я ожидал от этой картонки чего-нибудь замечательного,
... у нее оказалась самая заурядная, то есть такая
... прямоугольная и уродливая, как и сама картонка. Мне пока-
... , что фокус просто не удался, но Сашка настойчиво пре-
... линейку:

- Меряй!

Мы измерили тени и длину выреза - получилось, что из-за
... зубчиков вырез тени занимал чуть больше места, чем
... .

Я загрустил немного от этого странного чухлого чуда,
... , и недоумевал, почему Сашка занят им столь серьезно.

- Неужели ты не понимаешь? - я впервые в голосе Сашки
... укоризненные нотки. - Ведь если научиться управлять
... , знаешь, как много можно сделать!

Что значит управлять тенями и зачем это нужно, было со-
... , но Сашку огорчать не хотелось, я постарался из-
... на лице внимание.

С этого дня Сашка довольно часто показывал новые картон-
... . Судя по тому, с каким упорством отбивал миллиметры
... , работал он над своим изобретением с изрядным напряже-
... . Если учесть, что мне демонстрировались только лучшие
... , он видимо перевозил картон в невообразимых количест-
... .

Иногда он начинал толковать об особых пропорциях, кристальных числах, дифракции и интерференции, но у меня эти слова вызвали в памяти лишь давнее, почти забытое ощущение выжаренного и прохладной скуки физического школьного кабинета, тусклый блеск стеклянным дисков в шкафах и гортанный голос учительницы.

Как бы то ни было, Сашка упрямо все лето продолжал свои занятия, и к осени добился осязаемых успехов. Однажды он вырезал очередную картонку, а они, честно сказать, успели уже мне надоесть, с хитроумно изрезанным краем, изрезанным, разрезанным, по каким-то точным его расчетам.

Мы сидели в скверике на скамейке, и когда Сашка подставил свое творенье лучам солнца, на песок под ногами легла тень картонки, и тень эта явственно распалась на два отдельных квадратика. Я взял ее в руки, это была плотная прямоугольная картонка, совершенно целая, если не считать одной длинной кромки, оцетинившейся кривыми зубцами. А тень ее, на что бы она ни ложилась — на наши колени, руки, на лист газеты — неизменно распадалась на две отдельные половинки, разделенные солнечной полосой не менее, чем в палец толщиной. Это было вполне осязаемое чудо, и хотя я не стал расспышаться в деталях, Сашка понял, что я, наконец, уверовал.

Манеры его теперь изменились, в нем появилась энергия и уверенность преобразователя. Он постоянно рассуждал вслух и строил разнообразные проекты. Стоило нам зайти в какой-нибудь двор, как Сашка его окидывал оценивающим взглядом.

— Этому дому больше ста лет, представляешь? Значит, сто лет на эту землю, — он притоптывал возбужденно ногой, — не выждало солнце! Сто лет! А мы его сюда впустили! — он обвел рукой безнадежный серый колодец двора. — Видишь, какие щетки бледные? Пожалуйста, сорванцы, будете скоро играть на солнце! ...Белье сохнет? Вот вам солнце, хозяйки, сушите на белье!.. А вон девушка на подоконнике! Пожалуйста, бабка, загорайте на солнце!.. И всего-то дела — несколько матунов на крыше!

Я представил вдруг город, все дома которого изуродованы чудовищной зубчатой бахромой. Но Сашка перехватил эту мысль и посмотрел на меня ласково, как смотрят родители на любимого придурковатого ребенка:

- Испугался? Про зубцы на домах думаешь? Да ты их и не
заметь! В музее связи не был? Сходи, там приемник Попова
такой целый стол занимает, а теперь, погляди, транзисторы -
карма помещаются!.. И зубцы тоже спричутся, не волнуйся!
Осень нам принесла и другое немаловажное событие -
Санка кроме меня появился еще поклонник, вернее поклонни-

Мы куда-то брели по каналу. Мне всегда казалось, против
направления солнца, что сюда, в это каменное ущелье, солнце за-
глядывает реже, чем в другие углы города. Но в то утро ко-
гда, еще прохладные лучи позолотили серые плиты набережной,
горбатые мостики, и пыльный асфальт, и огромные бетонные
плиты, сложенные зачем-то поленищами вдоль берега. Солнце
резко высвечивало белесые мутные разводы в воде канала,
темные потеки на стенах, кучу ящиков и покрытие синеватой
железной лужи рассола на задворках рыбного магазина.

В этом ярком свете и в позолоте было что-то неловкое,
и хотелось скорее уйти отсюда. Но Санка остановил меня -
передви на мосту, где канал поворачивал влево, его взгляд
зацепил яркое желтое пятно.

Добредя до моста, мы на нем обнаружили весьма юную ба-
бушку, облокотившуюся на перила и сосредоточенно глядевшую
вниз. В дополнение к сиянию желтого платья у нее были выщип-
анные светлые волосы - ни дать-ни взять ангелочек спустился
на грешную землю, чтобы порадовать взоры ее обитателей.

Мы остановились рядом, желая понять, что она там рас-
сматривает, она же не обратила на нас ни малейшего внимания.
Внизу был гранитный спуск к воде, совершенно пустой, и гор-
батая тень моста ложилась на его ступени; кроме нее там
разглядывать было нечего. Мы с Санкой переглянулись, но не
заверили сначала своей догадке.

За нашими спинами послышался стук каблучков, и по сту-
пеням спуска зашагала тень женщины в шляпке; дойдя до воды,
она продолжала путь по каменной облицовке набережной и скры-
лась под мост. Судя по движениям склоненной головы, облада-
тельница желтого платья, как и мы, проводила тень глазами
- стало ясно, что мы нашли родственную душу.

Она уже явно заметила нас, своих коллег и конкурентов,
но недовольства не проявила.

Чтобы скрепить наш молчаливый союз, мы пропустили под
ст ее одну тень, — бородатого мужчину с тростью и большим
портфелем, и тогда только Сама рискнул завести раз-
говор.

— Извините... Но дело в том... Нам интересно, что вы
любите тени... — Это было невероятно: Сашка, за своим
пятнадцать лет повидавший многое и обладавший немалым опытом
личного накарательства, сейчас, обращаясь к ребенку, отчаянно
запутался.

Она обернулась, изобразив на лице великую удивленность,
тут же, однако, сменившуюся изумленным выражением.

— А мне что... Не жалко, смотрите, пожалуйста, — ей
предложилась, видимо, часть сашкиного смущения: она отверну-
лась, чтобы проследить за очередной тенью.

Время приближалось к девяти, и я осторожно спросил:

— А ты не опоздаешь в школу?

— Опоздаю, — она взглянула в последний раз через пере-
городку и с неохотой от них отстранилась.

Теперь пришла очередь нашим теням проделать знакомый
маршрут: к воде по ступеням лестницы, потом по гранитной стене
над водой, и дальше, под мост в темноту.

Они вместе, ангелочек и Сама выглядели довольно нелепо
— нарядный ребенок и взрослый городской оборванец, но их
взаимное обнаружение удивительное, прямо-таки семейное родство.
В мире теней, промыв по стене беспечная пара: барышня
вместе с нею и изящно-нескладный юноша с длинными волоса-
ми, в широкополой касторской шляпе.

Мы проводили ее до дверей школы, и тут она вдруг замая-
лась, словно ожидая от нас чего-то.

— Вы забыли спросить, как меня зовут!

Действительно, это вышло неловко, но Сама спас положение:

— Понимаешь, все дело в моем имени, к нему нужно привык-
нуть... Меня зовут Сашкой...

— Сашей? — спросила она в недоумении.

— В том-то и дело, что не Сашей, а Сашкой!

Ее недоумение усилилось, и она внимательно разглядыва-
ла Сашку: внезапно ее лицо прояснилось, и на нем расцвела

наслаждаясь улыбкой, будто она получила подарок.

— Поняла... Санкой...

Но тотчас, вспомнив о времени, она сделалась деловой.

— А меня зовут Жанной, — она изобразила нечто вроде изумления и исчезла в дверях.

В этот день я измучился на работе. Пока я писал в бланки цифры, складывая их, проверял, и снова складывал, перед глазами навязчиво возникало видение желтого платья у чугунной раешетки и уходящее под помост тени. Давно уж усвоил, что цифры замечают все и ничего не прощают, и наделенны своей особенной мстительностью, я усердно их стгонял, эти великаны, но они опять возвращались.

Следующим утром я вышел из дома позже обычного, и ни Санки, ни Жанни не встретил; зато через день натолкнулся на них, едва выбравшись на улицу. Они шли мне навстречу, держась за руки, и вид у них был совершенно счастливый.

Что в Санке так цепко и безоговорочно привлекло Жанну, до сих пор не очень помнят — видимо, то, что он был разительно непохож на всех, кого она знала или о ком слышала. Во всяком случае, его изыскания и проекты она ни в грош не ставила. Когда в первый раз Санка показал ей свои штуки с картинками, она не увидела в них не только что чуда, но даже сколько-нибудь занятного фокуса. Для нее само собой разрядилось, что тень и предмет — разные вещи. И даже его лучший номер, картонка с распадающейся на части тенью, не имела успеха.

— Наверняка это кто-нибудь уже изобрел! — безапелляционно заявила она.

Санка возмутился до крайности.

— Уже изобрел! Ха! А почему тогда строят такое? — он указал на прямоугольный фасад дома, в тени которого ютились обглоданные деревья.

— Значит, это никому не нужно!

— Ты рассуждаешь по-детски, — надулся Санка, — не так все просто, как тебе кажется!

Не стоило ему упрекать ее этим "по-детски", потому что Жанна была вполне взрослой.

— Главное, это ужасно скучно, — она весьма естественно

... - а вот вчера от меня убежала тень...

- Ты выдумываешь! - перебил Сашка. - Про это есть сказ-

ка!
- Знаю сказку... А моя тень убежала по-правде и была на балу, где все были тени, и всю ночь танцевала с тенью принца. Принц был в камзоле и с кружевами, и в шляпе с перьями!

- А он не был еще и на лошади? Кто же ходит на бал в шляпе? Шляпу оставляют в прихожей!

- Это у людей так, - терпеливо объяснил ребенок, - а у твоей все иначе.

Сашка обиженно замолчал и закурил сигарету.

Подобные ссоры случались нечасто, но всегда по определенному поводу. Стоило Сашке увлечься очередным проектом благоустройства города, как ангелочек, уставив мечтательный взгляд в небо, заводила свое:

- А вчера от меня убежала тень...

Она просто ревновала его к искромсанным картонкам и к существовавшему только в его воображении будущему городу изобретенных теней. А он ее - и собственно не ее, а ее тень - тень принца, не снимавшего на балу шляпу, или еще к чему-нибудь подобному.

Все же Сашка заметно оттаял от своей деловитости и обрел на какое-то время способность бескорыстно любоваться прекрасным городом, хотя и не мог отрешиться полностью от привычки сопоставлять тени и их источники. Жанна же безраздельно переселилась в теневой город, иногда она про нас забывала, глаза ее расширялись от удивления, и губы возбужденно что-то шептали; в мире теней ей открывалось нечто, Сашке было недоступное. Она находила своих принцев, рыцарей и прекрасных дам среди теней людей, в сонной поспешности направлявшихся на работу.

- Смотрите, смотрите! - тянула она то и дело кого-нибудь из нас за руку. Но, взглянув на то, отчего она приходила в восторг, мы видели лишь сутулую тень прохожего, торопливо бегущую по желтой стене.

Только раз, уж не знаю, что это было за наваждение, мы

...ждали то же, что и она. Когда в очередной раз она дернула
...за рукав, показывая наверх, мы разглядели в сплетении
...труб, проводов и еще чего-то нам неизвестного, идуще-
...по проволоке канатоходца. Ошибки не было — там шел насто-
...ый канатоходец из уличного цирка, с шестом и в гимнастиче-
...ском костюме. Он двигался не спеша, легко и осторожно ступая,
...балансируя местом, и проволока под ним слегка прогибалась;
...скоре он исчез в тени высокой крыши.

- А внизу, внизу какая толпа! — не унималась Жанна.

Но внизу мы уже ничего не заметили, кроме нескольких
...на стенке, ожидавших у перекрестка, пока им не позво-
...ит пройти тень светофора.

Сэмюэ, верный своим принципам, принялся оглядывать кры-
...отыскивая канатоходца, но ничего не нашел и выглядел
...растерянно.

Мы встречались почти каждый день, никогда заранее не
...заговариваясь и не назначая специального места, но тем не ме-
...не обязательно встречались. Несмотря на мелкие разногласия,
...мы жили в своем особенном мире, защищенном от спешки и пося-
...тельности извне. Не знаю, откуда бралось это чувство абсолют-
...ной защищенности, но так или иначе, тот год был счастливым.

Мое прелестное существование продолжалось всю зиму и
...разрушилось только в начале лета. Пришло разрушение в образе
...красивой женщины, поджидавшей меня на улице после работы.
...Она улыбнулась мне, словно доброму приятелю, и шагнула на-
...встречу.

- Я мама Жанны, можно мне поговорить с вами? — она и
...говорила и двигалась легко и упруго, и это впечатление упру-
...вости распространялось как-то и на одежду ее, и на лицо, и
...на ее взгляд, доверчивый и внимательный к собеседнику.

И все-таки непонятным образом от нее исходило ощущение
...достоверности. Слишком много, пожалуй, тщательности было
...в ее одежде и в костюме ее, и в приятной легкости общения, слов-
...но какой-то чудесный портной, вместе с сиреневым жакетом,
...улыбка для нее и эту беззаботную улыбку.

- Мне давно уж хотелось познакомиться с вами, да все
...было случая, — она взяла меня под руку, и прохожие по-
...счастливали на нас одобрительно — должно быть, мы выглядели

... благополучной парой, солидный стареющий гражданин и красавица, хороша одетая женщина.

— Но теперь я... немного беспокоюсь за Жанну, — она махнула слегка, и от этого потерялась частица внешней ее безопасности, как падает вдруг лепесток свежего с виду цветка, и цветком остается свежим, но уже есть в нем пустое место, которое ничем не заполнится. — Эта игра с тенями, она надетская, я боюсь за нее... и красота эта — тоже не для детей, — она махнула рукой в пераулок, упиравшийся в уличный мостик... — Жанна стала меняться... тени, тени... я боюсь этого города... — лепестки ее беззаботности опадали одна за другой.

— И еще ваш ужасный Сашка... да, да, ужасный... он из этого города, из камня и теней... и вы не поймете, я боюсь, что, он сам — тень!

— О! — не выдержал я.

— Я же говорила, что не поймете, истинного что вы мужчины, — засмеялась она, и мне на миг показалось, но только на миг, что все лепестки вернулись на место.

— Мой ребенок говорит ужасные вещи... — голос ее стал жалобным, — все Сашка, Сашка... Это ж надо такое выискать! От него бы нормальный ребенок бежал без оглядки, а она с ним сидит! Почему? — Она обиженно всхлинула. — Из целого города выискала... именно это! Почему? — в глазах ее появились слезы, словно требуя от меня ответа на это настойчивое "почему".

Мы завернули в первую попавшуюся подворотню, и по странному совпадению за ней оказался тот самый двор-пустырь, двор-малыш, где прошлой весной я встретил Сашку с рулеткой.

Как и год назад, тополиный пух несильно плыл над землей, и старушки в черном сидели по своим скамейкам, украшенным трепещущими белыми хлопьями.

— Давайте присядем, — попросила она. Глаза ее не были закрыты и она смело орудовала носовым платком.

Старушки на нас не взглянули даже — женщина с платочком у глаз и мужчина, ее утешающий — банальный пустяк для большого города.

— Это все не так страшно, — теперь она говорила спокой-

— Это все не так страшно, — теперь она говорила спокойней и медленней, — беда в самой Жанне, а может, в моем отце. Он всю жизнь рисовал и носил рисунки на выставки, их там у него не брали, но он все равно носил. Без конца рисовал одно и то же, портил и рвал рисунки, и бесился, что его никто не может понять. Это было ужасно... И всегда была счастлива, что Жанну к этому не тянуло. А сейчас она начала рисовать, как папа, рвет рисунки!

— Но может быть...

— Нет, нет! Если бы вы видели — это выражение лица, что ни с чем не спутаешь! Я вижу, она хочет чего-то, чего у нее нет, и знает, что этого нет, и поэтому сердится! Это ужасно! — она остановилась, чтобы перевести дыхание. — А теперь посмотрите, что она рисует!

Она достала из сумочки скрученные в трубку листки. Они не слушались и все время сворачивались, но нам удалось кое-как их расправить у нее на коленях.

Все рисунки были темными силуэтами, силуэтами города теней. Листки заполняли призрачные, казавшиеся живыми тени домов и старинные автомобили с большими смешными колесами, маленькие люди в котелках и с усиками, и женщины в шляпках с лентами, в длинных до земли платьях, и деревья со странными листьями в ветвях.

— Если хотите, возьмите что-нибудь, — предложила она, — Жанне будет приятно...

Я выбрал рисунок, где в нижней части листа по проволоке шел канатоходец, а наверху, на карнизе, сидели в ряд и как будто смотрели вниз вороны и еще какие-то диковинные птицы. Мне-то рисунки очень понравились, но я слишком мало в этом смыслал.

— Вы не хотите показать их понимающим людям?

— Уже показывала, — она вдруг смутилась, — говорят, ничего особенного, многие дети так рисуют...

— Ну вот, — она поднялась со скамейки, — стоит немного выдохнуться, и становится легче, — улыбка ее стала опять беззаботной. — Завтра мы улетаем в Крым, к бабушке. И на первое, мы вообще там останемся... Я боюсь этого города, а там... там тени короткие, их почти не видно. Не сердитесь, что я так всего боюсь, но дочка — это очень сложно...

На улице, уже прощаясь, она протянула мне карточку:

— Ваш будущий адрес, не потеряйте!

Наутро Ханна, в нарядном оранжевом платье, пришла попрощаться. Она чмокнула каждого из нас в щеку и убежала, а меня не хватило духа открыть Сашке истину.

Но на следующее утро я все-таки решился.

— Навивная, ограниченная женщина! — заявил Сашка. Он начал вырваться напуганно, когда не мог скрыть улыбку. — Она думает, можно убежать от собственной тени!

Сашка вернулся к своим картонкам, а меня послали в конспирочку, в тихий маленький город с резными деревянными украшениями, с тополями и липами.

Я сидел в светлой комнате за таким же канцелярским столом, как у себя на работе, и, приучившись не замечать порочного гвалта за раскрытым окном, проверял бесконечные столбцы чисел на привычных зеленоватых бланках, уже начинающих желтеть. На счетах в ступе костляек на секунду вновь появлялись цифры, пять лет назад означавшие чьи-то зарплаты, алименты, а теперь уже ничего не значившие и имевшие смысл лишь для двоих — для меня, искавшего в них ошибки, и для человека, который мог эти ошибки сделать... Он, уступивший сейчас мне свой стол, сутулый до горбатости старший бухгалтер, по субботам и воскресеньям давал мне свою лодку, чтобы я мог кататься по ленивой зеленой реке и удить рыбу — именно я приехал не проверять его, а в гости. Я отсчитывал время по этим субботам и воскресеньям, и они скоро так прикатывались, что отведенный мне срок прошел бездумно и незадуманно.

Домой я уезжал с удовольствием и, ложась в поезде спать, представлял, как пойду гулять утром, и где лучше искать Сашку.

Город встретил меня, несмотря на раннее время, духотой и ярким солнцем. Сашку я обнаружил у пивного ларька, причем он был в центре внимания, между ним и очередью происходило какое-то объяснение. Не желая мешать, я пристроился тихо в хвосте.

— Покажи, Сашенька! — просил высокий багровощикий мужчина, улыбаясь и протягивая Сашке только что полученную от продавщицы кружку с белым султаном пени.

— Я тебе не Сашенька! — отвечал тот, против обыкновения

— Покажи, Сашка! Покажи! — раздалось несколько голосов сразу.

Сашка хмуро кивнул и взял кружку. Он отошел к стене и, взяв вальс, вытянул руку с кружкой, застыл неподвижно, как статуя. Тень его с кружкой в руке и важно откинутой головой выдвинулась черным пятном на грязно-голубой штукатурке.

Все кругом замолчали, и даже продавщица перестала греметь кружками и, опершись рукою о край, взыскательно смотрела на Сашку.

Он же, выдержав приличную паузу, быстро и как-то странно выдвинул пальцы, держащие кружку. И тень ее на стене, вместе с колеблющимся султаном пены, явственно отделилась от связной руки и торжественно воспарила рядом с ней в высоту.

Позволив всем насладиться зрелищем, Сашка как ни в чем ни бывало выпил свое пиво. Публика не скупилась на одобрительные возгласы.

— Надо же!.. Ишь артист!..

— Вот и я, — объяснял багроволицый хлопотливо и радостно, — а я тоже сперва не поверил!.. А вот видишь!..

Ко мне доверительно склонился старичок в поношенном черном кителе:

— В Академии наук... большой человек был... а вот сгубил...

— Кто сгубила? — не понял я.

— Кто, кто... нашего брата водка губит...

Сашка явно был в дурном расположении. Думая, что ему благодаря внезапной популярности, я постарался скорей увести его от ларька, но его нервозность не проходила.

Оказалось, летом, оставшись один, Сашка решил, что пора обнародовать свое изобретение. Он хотел научить архитекторов разбивать тени.

Начал он на удивление толково. Он нашел корреспондента молодежной газеты, который эту историю счел заманчивой и выбросил даже заметку под названием "Повелитель теней". В управлении архитектуры их приняли благосклонно и отправили в проектный институт. Но там захотели узнать, что скажут специалисты по оптике, и пришлось идти в оптический институт. Те же сказали, что это известный оптический эффект,

...они не против, чтобы им пользовались.

- Конечно, - уныло объяснял Сашка, - они там столько много вытворяли, что у них уже ум за разум зашел, им что и сказать, не удивятся, "Эффект" да и все... А эти тоже - инструкцию подавай, и чтоб подпись была профессорская!

Поскотино, желавших сочинять к "эффекту" инструкцию среднеклассов не нашлось. Дело зашло в тупик, и даже встреча за круглым столом в редакции ничего не изменила. После этого корреспондент отступился от Сашки.

Но сейчас Сашка не выглядел побежденным, похоже, что в запасе была еще какая-то выдумка, он намекал тушью, что "еще им докажет". Он очень переменялся, стал странно сосредоточен и об "играйте на солнце, детишки" больше не вспоминал. Ему было необходимо "им доказать".

Он, как видно, действительно что-то затеял, потому что начал появляться реже, а потом на несколько дней и вовсе исчез. А когда я его, наконец, увидел, вид у него был до крайности озабоченный, и он куда-то спешил.

- Приходи сюда завтра пораньше, - пригласил он меня исключительно.

Я завел будильник, опасаясь проспать, и к шести был в назначенном месте. Сашка был уже здесь, усталый, с разорванным рукавом, но бодрый и даже как будто взволнованный.

Город еще не проснулся, автомобилей не было, и шаги наших прохаживающих звонким эхом отдавались в пустых влажных улицах. Небо стало уже голубым и солнечным, а здесь внизу виселись серебристые прохладные сумерки.

Сашка ждал меня у подъезда большого дома кубических габаритов. Претив него, через улицу, стоял двухэтажный старинный дом, бледно-оранжевый, с круглым чердачным окном и колоннами по краям балкона. Наверное, он был когда-то окружен садом, тихий особняк за городом, недалеко от морского берега. Потом сюда пришел город, и с тех пор, как напротив вырос бетонный гранит, особняк этот больше ни разу не видел солнца; тень куба была столь обширна, что особняк во всякое время дня оставался в ее пределах.

Поздно это место и выбрал Сашка, чтобы продемонстрировать, на что способно его изобретение. Отведя меня от дома, он молча показал вверх.

Да, там было на что посмотреть! По краю крыши выстро-

...зубцы, словно на спине у дракона. Я не
...увидеть их — это были зубцы с обычных картонок, фан-
...выросших в размерах.

— Саша, — коротко позвала Сашка.

Как он ухитрился все это соорудить ночью один — ему
...известно. Потому-то у него и был бодро-усталый вид,
...человека, хорошо сделавшего нелегкую и важную работу.
...значит, он волновался, как всякий последователь перед
...решающего эксперимента.

Сашка перевалила через конек крыши гиганта, и все
...уже было освещено. Их тени проходили сейчас поверх
...крыши дома и падали где-то за ним на землю, так что
...ничего не видели. Оставалось идти.

Французский дом по-прежнему остывал в тени, но вскоре
...уже было возникло слабое красноватое свечение, оно
...становилось все более ярким, и начало ползти вниз, на са-
...д.

И через четверть часа вся средняя часть особняка была
...уже в солнечном свете, рисовавшем на фасаде фигуру в ви-
...де человека, сущавшегося немного внизу. Солнечный этот кин
...покрыл большую часть дома, только два окна с одной сторо-
...ны — с другой оставались в тени.

На Сашку приятно было смотреть. И хотя он, давая сиге-
...т, непрерывно поглядывал на оранжевое сияние особняка,
...все же так и должно быть, и нет тут ничего особенного,
...никак абсолютно счастливого человека.

Теперь оставалось самое интересное, — как все это вос-
...станут другие. Первым, вышедшим из подъезда, был пожелтой
...человек с расстроенным усталым лицом. Злобно кутаясь в плащ
...идя перед собой в землю, не заметив нас, на солнечной
...стороне в тени дома, он удалился неуверенной походкой.

— У него какое-то горе, ему не до этого, — заметил
...грустным голосом, с которым совсем не вязалась его
...обычная улыбка.

Следующим был молодой человек в очках, студенческого
...возраста. Он криво скитался с последнего изгиба лестницы и вы-
...шел из подъезда с такой скоростью, что мы с Сашкой еле
...успели убраться с его пути.

Далее появилась женщина с хозяйственной сумкой, а за
...ней — еще две. Все они одинаково спешили, у всех были по-

...и все одинаково безучастно смотрели вперед, не
...головы ни направо ни налево. Можно было подумать,
...фокус — три раза подряд из парадной выходит
...женщина.

...люди пошли сплошным потоком, и теперь уже все
...и ни один из них не взглянул даже краешком
...впервые за много лет купавшийся в солнечном

— Они ни на что не смотрят, — огорчился Сашка, — нужно
...внимание.

...как это сделать, было непонятно. Они вылетали из
...как пчелы из улья, и заговорить с ними о
...было так же сложно, как затеять с рассерженной
...разговор о ландшафте.

...удобный случай вскоре подвернулся. По лест-
...мужчина, седоватый, с орлиным профилем и с
...портфелем. Он никуда не бежал, и стал чинно
...перед домом, поглядывая иногда на часы.

— Доброе утро! — обратился к нему Сашка с приветливой-

— Здравствуйте... — после некоторой паузы вяло ответил

— Вы не видите здесь ничего необычного? — Сашка показал
...дом жестом радушного приглашения.

— Вам что, делать нечего? — на лице незнакомца сквозь
...проступило крайнее раздражение, он огля-
...экзотический сашкин костюм, — занялись бы чем-
...лучше! — тут к тротуару подкатила легковая машина, и
...откинутой шофером дверцей.

— Я теряю квалификацию! Не признал большого начальника,
...! — весело откомментировал Сашка, но улыбка его
...давно не такой радостной, как час назад.

...выходящих заметно поредел, и я начал терять надеж-
...две девушки, одна возбужденно шептала
...а та кусала яблоко и хихикала.

— Доброе утро, барышни! — галантно поклонился им Сашка.

...остановились, глядя на него, как мне показалось, одо-

— Вам не кажется, что этот дом освещен необычно? — при-
...к делу.

- Это слишком старо! - фыркнула жевавшая яблоко.

- В такую-то рань и с такими глупостями! - укорила

Сашку вторая, однако довольно ласковым голосом.

Они снова двинулись и ловко обогнули Сашку, но через мгновение нагов оглянулись.

- Приходите завтра в это же время! Или еще пораньше! - сказала первая.

- И придумайте что-нибудь поновее! - пропела вторая.

Они тут же забыли про нас и стали переходить улицу, выходя на мостовую каблучками дробный аллюр.

Люди из подъезда стали выходить совсем редко, наступил вечер. На сашкино чудо никто так и не обратил внимания, он не казался обескураженным.

- Я предвидел это, - пояснил он с некоторым апломбом, в ответ на мое приглашение.

И действительно, не успели мы выкурить по сигарете,

как неизвестно откуда подкатил милицкий патрульный "газик", он развернулся с рывком перед подъездом и замер, но мы не загнулись. За ним те же маневры, только бесшумно, за ним черный "зим" с занавесками на окнах.

Теперь понял я сашкин замысел: чтобы привлечь внимание к своей идее, он решил с помощью ее устроить общественный беспорядок и отдаться в руки закона.

Патрульный газик, с огромной семеркой на дверце, ярко окрашенный в синее, желтое и красное, напоминал цирковой фургон; казалось, оттуда должны вылезти морские свистки и мячи или еще что-нибудь в этом же роде.

Из него выехали четыре самых обыкновенных милиционера и начали недоуменно оглядываться.

Черный же лимузин оказался настоящей сюрпризной коробкой. Сначала из него выскочил юркий старичок в черной велюровой шапке; задергивая козлиной бородкой, он тоже начал оглядываться.

Сашка смотрел на все это с радушной и немного смущенной улыбкой, словно встречающий гостей юбиляр. Расчет его оправдался: на другой стороне улицы уже собралась маленькая стайка зевак.

Старичок быстро оценил обстановку. Оглядевши огромный двор и солнечный клин посередине его необъятной тени, он подошел к лимузину и поманил кого-то пальцем.

На его призыв дверца открылась и выпустила высокую девушку в очках с фотоаппаратом на шее. Старичок ей показывал, что снимать, и девушка щелкала фотоаппаратом. Шофер машина тем временем опустил боковое стекло и принялся есть семечки, ловко счищая кожуру через узкую щель.

А Сашка продолжал благожелательно улыбаться, и милиционер стал к нему приглядываться, почуяв, что он не случайный посетитель. Дело явно шло к объяснению между ними, но тут началось неожиданное.

Ветер, время от времени поднимавший в воздух охапки листьев, и ронявший их тотчас на землю, внезапно окреп, закрутил и закрутил листья смерчами.

Рассыпались деревья, и солнечный клин на оранжевом доме тоже от ветра, и это было неприятно и страшно. Клин выпрямился вправо, стал бледней и исчез, рассыпавшись на мерцающие треугольники, и они тоже раскачивались в такт с порывами ветра.

Сашка первым сообразил, что случилось: запрокинув голову, он смотрел, как ветер терзает его детище. Фанерный дракон раскрутился, и пластинки на его спине зашевелились.

Вычислив, видимо, где случилась поломка, Сашка бегом выскочил в парадную. За ним сорвался с места один из милиционеров, но рупор с крыши милицейской машины произнес хрипловатым голосом:

— Волокни, Толмачев, не надо...

Толмачев вернулся на место, а Сашка вскоре появился на крыше — фигурка пигмея на спине у дракона. Он быстро спускался к краю и, дойдя до него, стал пробираться вдоль фанерных пластинок. Наконец, он пригнулся рядом с одним из них, прилаживая оторванный лист к водосточному желобу. Видно было, как колесо ходит у него под руками; все молча смотрели на него, и стало слышно, как в рупоре что-то потрескивает.

Но не заметили, как снова налетел ветер, а только увидели, что зубцы наверху сильно раскачиваются. Лист, с которым работал Сашка, внезапно отделился от крыши, взмыл к верхушкам дракона и, вертясь все быстрее и быстрее, стал падать. Я невольно следил за его полетом и снова поднял голову, лишь услышав жалкий скрежет колеса.

Желоб не выдержал. Сашка барахтался, уцепившись руками за рваную железную полосу, и большая часть его туловища свиса-

... Сашка, ему удалось достигнуть какого-то равнове-
... и он перестал вешелиться.

... и не успел и подумать, что же теперь делать, как раз-
... излит автомобильных дверей. Тут-то черный лимузин себя
... Он словно взорвался, как лопается переспелый стру-
... порок. Все его двери открылись, и из них вылетели че-
... чаловки, двое в беретах и двое в шляпах, и побежали к
... Им на бегу они начали разворачивать что-то большое и
... называвшееся брезентом. Они растянули полотнище за уг-
... и выдохавшие милиционеры ухватились за него посредине
... Все это было проделано так лихо, что напоминало танце-
... танец.

- Драгый! - рявкнул оглушающе рупор.

Сашка разжал руки. Пал он страшно медленно, и никогда
... что что-нибудь тяжелое может так медленно падать,
... и плавно плыть вниз. Тем восьмерым тоже каза-
... казалось, что он падает очень медленно, они натянули
... так, что костяшки их пальцев совсем побелели.

Взглянув на Сашку коснулся брезента, все они резко дернулись,
... вылетел вверх и снова упал. Тогда они опустили брез-
... на него.

... происходило по-прежнему бесцумно. Возле Сашки воз-
... с бобриком человек с кожаной сумкой, он потро-
... его виски, какое-то место около уха и пульс на руке,
... из сумки шприц и сделал укол Сашке в руку чуть пониже
... прямо сквозь ткань рубашки. Пока он орудовал шприцем,
... выскочила над Сашкой и дважды щелкнула его аппара-

... выдохнула, и они на меня не обратили внимания.
... и выскочило сашкино бумажно-белое лицо в мертвом
... вспышки, со струйкой крови из угла рта. Его
... в раздуваемый газик и увезли.

... с девицей опять занялись тенью дома. Треуголь-
... их сменили косые полосы, они изгибались,
... друг друга и выпрямлялись снова. Девица щелкала кадр
... она забыла выключить вспышку, и странно было ви-
... электрической молнии, такой бесполез-
... в солнечный день.

... из тех, в беретах, подошел ко мне и записал мое
... не спросив документов. Они уехали, уступив
... только что появившейся пожарной машине.

Утром я вечером шел с работы, на крыше дома следов саи-
на садовника уже не было.

Через несколько дней меня вызвали в районное отделение
полиции. За накрытым столом, отражаясь в его пустой поли-
тике, сидел маленький человечек с высоким смор-
щенным лбом. Поглядевши в повестку, он устремил взор в пото-
к, идущий вычисляя, по какому я делу.

- Вам известно, что ваш приятель тунеядец? - он перевел
глаза на меня и сморщил лоб еще более.

- Он не тунеядец! - я постарался вложить в ответ как
можно больше солидности.

- Вам известно... - сказал он спокойно, и лоб его на-
конец разгладился, - он сейчас в лечебнице, нервы, - он
получил вывих себе в висок, - выйдет недели через две. Он
может найти работу, и на первый раз мы поможем... Скажите,
какую работу вы хотите?

Вопрос был нелегкий. В голове у меня целый день верте-
лась одна фраза, и я решил принять ее за наитие свыше:

- Он был бы хорошим садовником.

- Садовником?... - лоб его сморщился до невозможности, -
какое-то там диплом нужен... вот рабочим по саду мож-

- он снял трубку телефонного аппарата без диска и нажал
кнопку. - Из следственного. Подберите место рабочего

сада... да... да... - он повернулся ко мне. - Вы свободны,
если хотите, можете вернуться к телефону, но, задумавшись на се-

бе, присел на своем высоком стульчике и протянул через
стол руку:

- Благодарю вас!

Мое душепожатие торжественно отразилось в зеркальной
поверхности стола.

Я с нетерпением ждал появления Сашки, не зная, одобрит
ли мое дело. От отнесся к ней благосклонно:

- Ты это ловко сообразил, я бы вряд ли додумался...

Сашку определили в большой парк около стадиона. Он хоро-
шо уживался с деревьями и кустами и, несмотря на отсутствие

дипломов, скоро был возведен в чин садов-
ника и назначен в заведывание обширный, изрядно запущенный

парк, даже с собственным пивным ларьком.

Я любил бывать у него, и пока он складывает в свою сто-

лу лопаты и грабли, хитро смотрит, как замысловатые тени

разбегаются по красным песчаным дорожкам.

От Уяны какое-то время приходили редкие письма, потом прекратились. Рисунок ее я подарил Сашке, и он повесил на дощатой стене в сторожке — сидят на карнизе страанные птицы и смотрят вниз на человеческую фигурку, идущую к мосту над площадью.